

Научная статья
УДК 811.161.1.37
doi: 10.17223/19986645/82/4

Метаязыковой макропараметр в исследовании неологии второй половины XIX в. (на материале писем русских литераторов)

Юлия Георгиевна Захарова¹

¹ *Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, zug1977@inbox.ru*

Аннотация. На материале эпистолярных текстов русских писателей второй половины XIX в. в неологии как направлении лингвистики разрабатывается метаязыковой макропараметр, который включает в себя четыре аспекта: хронологический, прагматический, семантический, деривационный. Метаязыковые рефлексивы позволяют определить время появления новой единицы, установить ее относительную датировку, хронологические рамки сохранения коннотации новизны; выявить прагматические характеристики неологизма; получить информацию о деривационных процессах в семантической структуре слова и словообразовательной мотивации неолоксем.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, рефлексив, эпистолярный, неология, русский язык XIX в.

Для цитирования: Захарова Ю.Г. Метаязыковой макропараметр в исследовании неологии второй половины XIX в. (на материале писем русских литераторов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 63–88. doi: 10.17223/19986645/82/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/82/4

Metalinguage macroparameter in the study of neology of the second half of the 19th century (based on letters of Russian writers)

Yuliya G. Zakharova¹

¹ *Pacific State University, Khabarovsk, Russian Federation, zug1977@inbox.ru*

Abstract. The epistolary works of Russian writers (L.N. Tolstoy, I.S. Turgenev, A.P. Chekhov, M.E. Saltykov-Shchedrin, I.A. Goncharov, A.I. Herzen, N.S. Leskov, F.M. Dostoevsky, V.M. Garshin, V.G. Korolenko) contain rich linguistic material. The letters comprehended innovations in language and speech that appeared in the second half of the 19th century under the influence of extralinguistic factors, as well as internal laws of the development of the language system: actualization of certain word-formation types, semantic derivational models; tendencies to fill gaps in the

word-formation and lexical system; the law of analogy, etc. As a result of this understanding, *reflexive metalanguage contexts* appeared in the letters, in which a native speaker evaluates a particular linguistic or speech fact. Traditionally, there are such criteria for determining the neological status of a unit and its analysis as chronological, local, psycholinguistic, sociolinguistic, functional, statistical, lexicographic. The presence of metalanguage reflection is also an important criterion for judging the novelty of a word or a meaning. The metalanguage contexts of the 19th century as a neological source have not been studied enough, there are no special studies of them in epistolary discourse. At the same time, they can provide valuable information for the *Dictionary of the Russian Language of the 19th century*, which is compiled at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). The material for the study was 101 “reflexives”, extracted by the method of a complete sample from the letters of Russian writers. The methods of component, layer-based and contextual analysis were used. The article develops the content of the term *metalanguage macroparameter of the diachronic study of neology*, which means a set of particular criteria used to establish the neological status of a language/speech unit and its properties on the basis of metalanguage data available in reflexives of the second half of the 19th century. The chronological criterion makes it possible to evaluate the information contained in the reflexive about the time of the appearance of a neological unit, to determine the period within which it retained the effect of novelty, lack of development by the language system. The pragmatic criterion makes it possible to determine how a new word (meaning) was evaluated by native speakers: in terms of its compliance with the laws of the Russian language, social labeling, stylistic connotation, etc. The semantic criterion presupposes the identification in reflexives of data on changes in the semantic structure of a word (metaphorization of meaning, its terminologization or determinologization), on the use of a word in an occasional meaning, on the formation of a shade of meaning in speech. The derivational criterion is aimed at obtaining data on the word-formation structure and meaning of new units that were used in colloquial speech or were individually authored.

Keywords: metalanguage reflection, reflexive, epistolary works, neology, Russian language of 19th century

For citation: Zakharova, Yu.G. (2023) Metalanguage macroparameter in the study of neology of the second half of the 19th century (based on letters of Russian writers). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 82. pp. 63–88. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/82/4

И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, А.П. Чехов и другие крупные писатели XIX в. стояли в центре русского и в целом европейского литературного движения, вели переписку со многими выдающимися деятелями культуры России и Западной Европы. Письма касаются важных событий мировой истории, в них отражено научное и литературное движение, развитие искусств в России и за рубежом. В связи с этим эпистолярный содержит богатейший лингвистический материал, ярко отражает те процессы, которые проходили в языке и речи соответствующего периода.

Одна из важнейших функций эпистолярного дискурса – метаязыковая, отражающая работу языкового сознания участников эпистолярной коммуникации, проявляющаяся в «свойстве быть средством исследования и описания языка в терминах самого языка» [1. С. 148].

Под метаязыковой рефлексией в современной лингвистике понимается деятельность сознания, направленная на осмысление фактов языка и речи, а также результат этой деятельности, выраженный в **рефлексивах** – метаязыковых контекстах, в которых носитель языка дает оценку тому или иному языковому или речевому факту [2. С. 4; 3. С. 4]. Метаязыковая рефлексия – это проявление метаязыкового сознания, под которым А.Н. Ростова понимает «область рационально-логического, рефлексирующего языкового сознания, направленного на отражение языка-объекта как элемента действительного мира». Эта область представляет собой «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии и т.д.» [4. С. 12]. Метаязыковое сознание предстает не только в явной, вербализованной форме, но и включает сферу скрытого сознания.

По наблюдениям И.Т. Вепревой, интенсивные процессы в социуме и языке обостряют языковую рефлексия носителя языка [5. С. 8]. Вторая половина XIX в. в России – время бурных общественно-политических процессов, развития науки (особенно естественно-научных областей – биологии, медицины), культуры, промышленности, торговли, финансов, системы кредита и формирования соответствующей терминологии, что находило отражение в языковом сознании русских писателей. Э.Л. Трикоз пишет о неологии второй половины XIX в. как объекте метаязыковой рефлексии: «Культурно-исторические и социально-экономические преобразования исследуемого периода повлияли прежде всего на словарный состав языка, который ежеминутно опробовался носителями языка в устной и письменной речи. Наивное метаязыковое сознание перерабатывало огромное количество неологизмов, терминологической, абстрактной, иноязычной лексики, диалектных и просторечных слов в то время, когда словари и нормативные справочники не успевали за лексическими новациями» [2. С. 16]. Метаязыковые комментарии могли становиться источником распространения кодифицированной лексической нормы [6. С. 285].

Традиционно выделяют такие критерии определения неологического статуса единицы и ее анализа, как хронологический, локальный, психолингвистический, социолингвистический, функциональный, статистический, лексикографический [7. С. 8]. Важным критерием, позволяющим судить о новизне слова или значения, является **наличие метаязыковой рефлексии**. Метаязыковые контексты XIX в. в качестве неологического источника изучены недостаточно, отсутствуют специальные исследования их в эпистолярном дискурсе. Как правило, внимание лингвистов сосредоточено на самом феномене метаязыковой рефлексии (стимулах к ее запуску, закономерностях осознания говорящими языковой действительности, способах и средствах языковой экспликации знаний о языке, метапоказателях автокоррекции в речи), а не на той информации о новом слове / значении, которую дает рефлексив.

Общепризнан факт, что писатели наделены языковой рефлексией в максимальной степени, ее проявление «представляет большую ценность,

обладает высоким престижем, может быть использовано в нормализации языка» [8. С. 800], писатель «занимает в социуме особое место, его мнение влияет на формирование "языкового вкуса эпохи"» [9. С. 17]. Эпистолярный русский писателей в этом отношении служит значимым источником, поскольку дает богатый материал для исследования рефлексивов в историко-лексикологическом аспекте. В письмах осмысливались инновации в языке и речи, которые появились под действием экстралингвистических факторов, а также внутренних законов развития языковой системы: актуализации тех или иных словообразовательных типов, семантических деривационных моделей; тенденции к заполнению лакун в словообразовательной и лексической системе; закона аналогии и др.

Неологизмы эпохи неоднократно становятся в письмах объектом метаязыковой рефлексии: отмечается новизна слов, их соответствие / несоответствие языковой норме, поясняется семантика, осмысливаются сфера употребления, происхождение, возможность или невозможность адекватной замены русским словом, прагматические характеристики (тип оценочности, эмотивность, стилистическая окраска, престиж слова) и др.

Таким образом, само наличие метаязыковой рефлексии – критерий новизны слова (значения), а метаязыковой контекст – важный источник лингвистической информации о неологизме. Рефлексивы в письмах нередко несут ценные сведения о том или ином языковом факте, не нашедшие отражения в лексикографических изданиях, и могут стать важным источником для «Словаря русского языка XIX в.», который составляется в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

И.Т. Вепрева выделяет два типа рефлексивов: 1) канонический текст-рефлексив, отдельное речевое произведение; 2) рефлексив, включенный в целый текст: он может представлять собой авторское попутное замечание, словесную реплику, ремарку о факте языка / речи; метаязыковое высказывание; цепочку взаимосвязанных высказываний [5. С. 75]. Эпистолярные тексты русских писателей второй половины XIX в. включают рефлексивы второго типа.

Рефлексив выделяется из письменного текста на основании его метаязыковой функции. С этой функцией соотносится типовая семантическая структура рефлексива, включающая следующие компоненты: а) объект рефлексии (единица языка или факт речи, подвергающиеся комментированию); б) статусный квалификатор (номинация, определяющая лингвистический статус объекта: *слово, падеж, подлежащее, жанр* и т.д.); в) субъект метаязыковой оценки; г) собственно метаязыковую характеристику [9. С. 19].

Коммуникативная установка говорящего / пишущего может варьироваться, поэтому выделяют, во-первых, такой вид рефлексива, как *метаязыковой комментарий*: в нем субъект речи комментирует слово или его употребление в контексте, назначение такого рефлексива – сообщить о языковой единице какую-либо информацию; во-вторых, рефлексив, представляющий собой *метаязыковую интерпретацию*: говорящий выражает свое отношение к языковому (речевому) факту, дает ему оценку: «Рефлексивы

данного типа оцениваются как аксиологические высказывания с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции, направленной на собственное отношение к слову, но апеллирующей к мнению адресата» [5. С. 81].

Е.Е. Козлова выделила ряд составляющих обыденного метаязыкового сознания, направленного на осмысление заимствованных неолексем: 1) стимулы к активизации функций метаязыкового сознания; 2) функции метаязыкового сознания; 3) способы его проявления; 4) средства выражения.

К стимулам запуска механизмов рефлексии исследователь относит необходимость осмыслить семантику слова и объяснить ее партнеру по коммуникации; потребность дать оценку иноязычному неологизму или процессу заимствования (оценка влияет на интенсивность вхождения «чужих» слов в систему языка-реципиента); желание определить место неолексем в идиолексиконе. Главными функциями метаязыкового сознания при освоении заимствованных слов являются *интерпретационная* – она проявляется в стремлении говорящего истолковать семантику нового слова; *оценочная* – носитель языка дает оценку новому слову; *классифицирующая* – говорящий / пишущий относит заимствованное слово к какому-либо классу лексем (например, англицизмам).

Функции метаязыкового сознания реализуются в конкретных способах проявления метаязыковой рефлексии. Интерпретационная функция выражается в семантизации заимствований с помощью описательного, синонимического, эпидигматического способов толкования (под последним Е.Е. Козлова понимает отсылку к значению мотивирующей основы производного иноязычного слова в языке-доноре), калькирования и толкования через противопоставление. Оценочная функция проявляется в вербальном обозначении оценки неологизма (положительной, отрицательной, нейтральной). Классифицирующая функция выражается в различных характеристиках заимствованного слова: «ксеноразличительной» (выделение признаков «свой» – «чужой» в лексике), временной, частотно-дистрибутивной, социально-стратификационной, нормативной и стилистической [10].

Материалом для нашего исследования послужил 101 рефлексив, извлеченный методом сплошной выборки из писем Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.А. Гончарова, А.И. Герцена, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, В.М. Гаршина, В.Г. Короленко.

Все рефлексивы в рассматриваемых эпистолярных текстах русских писателей XIX в. содержат один или несколько метаоператоров (дискурсивных маркеров – И.Т. Вепрева) – показателей метаязыковой рефлексии. В письмах встречаются невербальные (графические) и вербальные маркеры метаязыка [11].

Графические метаоператоры в письмах – кавычки, скобки, вопросительный знак, подчеркивание слов. В некоторых случаях кавычки являются единственным метаязыковым показателем. Они обращают внимание корреспондента на необычность слова, например его иноязычное происхождение, неосвоенность русским языком, переносное значение, употребительность в определенной социальной группе, творимость, чужое авторство.

Невербальные метаоператоры чаще всего сочетаются с вербальными – метаязыковыми терминами, называющими речевые единицы или процессы (*слово, фраза, галлицизм, сказать, величать*), вводными конструкциями, авторскими глоссами (выраженными вставными или пояснительными конструкциями, отдельными словами), вопросительными предложениями и др.

Под **метаязыковым макропараметром** диахронного исследования неологии мы понимаем комплекс частных критериев (хронологического, прагматического, семантического, деривационного), который применяется при установлении неологического статуса единицы языка / речи и ее свойств на базе имеющихся в рефлексивах второй половины XIX в. метаязыковых данных.

1. Рефлексивы (наряду с другими показателями) позволяют определить нижнюю временную границу употребления слова в русском языке (речи), а также (при вхождении у узус) тот минимальный период, в пределах которого ощущалась новизна слова, его неосвоенность лексической системой языка-реципиента, т.е. определить **возможности применения хронологического критерия** в диахронном исследовании процесса неологизации.

В качестве показателей новизны слова / неосвоенности лексической системой выступают такие метаоператоры, как кавычки; устойчивые сочетания (например, *так называемый*); авторские ремарки, выраженные вставными конструкциями; вставки слов над текстом и другие глоссы; вопросительные предложения; комментарии.

Указание на время появления слова в языке может быть **прямым**. В письме в форме вопросительного предложения и комментария к нему может содержаться непосредственное указание на то, что автор слышит какое-либо слово впервые: «Он пишет: ”Все лучшие интеллигенты приветствуют переход Ваш от пантеизма к *антропоцентризму*”. **Что значит антропоцентризм? Отродясь не слышал такого слова**»¹ (А.П. Чехов – А.С. Суворину, 1893 г.) [12. Т. 5. С. 164].

В метаязыковом контексте могут сопоставляться исконное и заимствованное слово, при этом присутствует временной конкретизатор – подчеркивается, что иноязычная единица стала употребляться недавно, на памяти писателя (используются наречия со значением времени): «Достоинство картины, по моему мнению, в том, что она правдива (*реалистична, как говорят теперь*) в самом настоящем значении этого слова. Христос не такой, какого бы было приятно видеть, а именно такой, каким должен быть человек, которого мучили целую ночь и ведут мучать» (Л.Н. Толстой – Джорджу Кеннану (George Kennan), 1890 г.) [13. Т. 6. С. 140]. По данным НКРЯ, первые примеры прилагательного *реалистичный* (заимствованного из английского (realistic) или немецкого (realistisch) языка) датируются

¹ Все метаоператоры выделяются в примерах полужирным шрифтом (в случаях использования писателем кавычек или подчеркивания эти метаоператоры выделены вместе со словом – объектом рефлексии).

60-ми гг. XIX в., но оно воспринималось как свежее, судя по письму Л.Н. Толстого, и в 1890 г.

К **косвенным** показатели новизны слова относятся кавычки, метаязыковые операторы, содержащие оценку собственного употребления иноязычного слова (с точки зрения его существования в языке, верности понимания смысла), толкование значения, перевод и т.д.

Кавычки служат типичным дискурсивным индикатором неологизма на стадии его узуализации. Они сигнализируют коммуниканту, что лексема пока мало известна в языковом коллективе и необходимы когнитивные усилия реципиента для ее интерпретации. Кавычки могут свидетельствовать о том, что новое слово заимствовано автором текста из дискурса другой языковой личности и полностью им не принято [14. С. 164]. Чаще всего кавычками маркируются в письмах иноязычные неолексемы: «О чуме у нас толкуют очень оживленно. Но кажется, рассуждений о мероприятиях будет в изобилии, а самые мероприятия не очень-то. Здесь говорят, что 2 1/2 миллиона, назначенные для чумы, большею частью разбредутся по карманам **"дезинфекторов"**» (В.М. Гаршин – Е.С. Гаршиной, 1879 г.) [15. с. 174]; «То, что я Вам писал о нищете Соловьева-Несмелова, лежавшего в окровавленных лохмотьях, не было **"шантаж"**»¹ (Н.С. Лесков – А.С. Суворину, 1892 г.) [17. Т. 11. С. 517]; «Я прихожу к решительному убеждению, что здесь была **"симуляция"** вотского жертвоприношения» (М.И. Дрягину, 1895 г.) [18. Т. 10. С. 242].

Кавычки могут быть показателем того, что слово применялось в русском языке только по отношению к условиям жизни какой-либо страны, в языке которой оно появилось. Такую функцию выполняют кавычки в одном из писем В.Г. Короленко, написанном в США: «Вечером 3-го числа явился репортер "The Sun", но мы уже раздевались, зато 4-го репортер "New-York Times'a" застиг меня, когда я брал в **"оффисе"** ключ» (А.С. Короленко, 1893 г., New York) [18. Т. 10. С. 196]. Существительное *офис* окончательно было заимствовано русским языком из английского только в конце XX в., поэтому ряд контекстов с ним в НКРЯ, датированных концом XIX – первой половиной XX в., также содержит метаязыковые показатели: кавычки, лексические глоссы, пояснительные конструкции, ср.: «Европейцы только являются сюда в свои *оффисы*, **то есть конторы, канцелярии** и пр.» (К.М. Станюкович. Вокруг света на Коршуне (1895)); «Последнее время Форд прыгает редко, работая в **"оффисе"** (конторе) фирмы (Л.Г. Минов. Русский летчик в американском небе (1930)) [19].

О коннотации новизны, присущей иноязычному слову в русском языке на протяжении довольно длительного периода, свидетельствует метаоператор *так называемый*: «Вопрос этот очень деликатный, особенно ввиду положения, в которое **так называемые марксисты** поставлены цензурой: защищаться им негде, их собственный сборник сожжен, и потому нападать

¹ Слово *шантаж* (фр. chantage) известно в русском языке с 70-х гг. XIX в. [16. Т. 2. С. 401], однако в словарях XIX в. оно не получило отражения.

на них нужно весьма и весьма осторожно» (В.Г. Короленко – И.И. Сведенцову, 1896 г.) [18. Т. 10. С. 244]. Начало употребления существительного *марксист* в русском языке приходится на 1870-е гг. [19], однако и в конце века при нем употребляется дискурсивный маркер.

Необходимость **толкования значения** слова свидетельствует о его новизне в большинстве случаев. При помощи пояснительной конструкции может раскрываться значение иносистемной единицы, малоизвестной в тот период в русском языке, имевшей ограниченное распространение. Материал НКРЯ показывает, что существительное *лакуна* стало употребляться в русском языке с конца XIX в. первоначально в качестве научного термина. Во французском языке-источнике терминологическое значение являлось производным, прямое было более широким: «*Lacune*, sf. пропуск, пробел, недостаток; || Анат. ямка, ложбинка на верхней губе; || Бот. впадина» [20. С. 731], в русском же – наоборот: «Лакуна. Незанятое место, пустота внутри какого-либо тела. || Углубление, вдавленность на поверхности чего-либо. || Переносно: промежуток, пробел, пропуск. Лакуна в тексте» [21. Т. 5. Вып. 1. С. 154]. Употребляя иносистемную лексику *lacune* в прямом для французского языка значении, Л.Н. Толстой поясняет его: «Всё работаю – совестно говорить такое слово – вожусь с статьёй об искусстве и вижу уже не только конец, но вижу только *lacunes*, **пустые места, к[оторые] надо заполнить**» (В.Г. Черткову, 1897 г.) [13. Т. 88. С. 22].

Письма дают информацию и о начале функционирования иноязычных единиц в русском языке в перекодированном (при помощи транскрипции или транслитерации) графико-фонетическом облике. Существительное *шимпанзе* известно в русском языке со второй половины XIX в. Первоначально оно использовалось в двух фонетических вариантах: *шимпанзе* (фр. chimpanzé) и *чимпанзе* (англ. chimpanzee) [16. Т. 2. С. 411]. Судя по письму А.И. Герцена, которому понадобилось объяснить значение слова, начало употребления лексики приходится на 1850-е гг. Живя в Англии, писатель использует слово во французской огласовке, поскольку источником распространения его в Европе стал французский язык: «А мы с Сашей ходили смотреть *шимпанзе*, **таких обезьян умных, как люди**, они в саду возле нас. Кривляются, как Энгельсон, и мать носит свою дочь на руках и ласкает» (М. К. Рейхель, 1852 г., Лондон) [22. Т. 24. С. 369–370].

Английское существительное *steerle-chase* в латинской графике, а также в транслитерированном варианте *стипль-чез* впервые отражено в словаре иностранных слов 1861 г. с двумя значениями: «1) скачка с препятствиями, 2) игра, в которой представляется охотник, гонящийся за зверем через разные препятствия» [23. С. 483]. В словарях иностранных слов 1871 г. [24. С. 496] и 1879 г. [25. С. 61] даются также варианты *степльшас* и *стипльшас*. К концу века побеждает вариант *стипль-чез* (перекодированный путем транскрипции) [26. С. 535], именно он используется в письме А.И. Герцена 1853 г. Писатель поясняет дочери название английской игры: «Тата, у Саши готова для вас игра *стипль-чез*: **лошадки прыгают через заборчики и кто скорее обгонит**» (М.К. Рейхель и Н.А. Герцен, 1853 г., Лондон) [22. Т. 25. С. 50].

При перекодировании иноязычной единицы для точности понимания транслитерированное слово может поясняться с помощью словосочетания из языка-источника: «Вчера X<оецкий> получил письмо от Mme Lemoine, она пишет, что Беше, услышав о том, что у X<оецкого> есть деньги, между прочим сказал: ”Пусть сделают *сомацию* (**une sommation légale**), то я и отдам”» (А.И. Герцен – М.К. Рейхель, 1852 г.) [22. Т. 24. С. 241]. Французское существительное sommation имело общее значение «требование», а также значение юридического термина – «повестка, вызов в суд» [20. С. 1132]. В приведенном контексте имеется в виду официальное требование, что и поясняется с помощью французской вставки. С тем же значением это слово впервые фиксируется во втором издании словаря В.И. Даля (1882): «Сомация фрн. воззвание, призыв, бол. словесный, в делах полицейских, требование покориться закону, порядку» [27. Т. 4. С. 269].

Могут поясняться лексические единицы, не вошедшие в узус и представляющие собой результат единичного авторского перекодирования слова с иностранного языка при помощи русских графических и морфологических средств или окказиональный дериват иноязычного слова. Л.Н. Толстой использует надстрочную глосску к причастию *интеромпирующих* (*заслоняющих*), которое является формой интерсистемного глагола *интеромпировать* (фр. interompre – «преграждать, пресекать, прерывать» [20. С. 709]): «И это убеждение вросло сильно и ежели будет резня с нашим кротким народом, то только вследствие этого незнания своих настоящих отношений к земле и помещику, а правительство секретничает изо всех сил и воображает, что это внутренняя политика, и ставит помещиков в положении людей ^{заслоняющих} интеромпирующих от народа милости свыше» (Е.П. Ковалевскому, 1856 г.) [13. Т. 60. С. 89]. В другом письме Л.Н. Толстой с помощью синонима *смягчить* поясняет значение перекодированного с французского языка глагола *элюдировать* (фр. éluder – «обходить, избегать, увёртываться» [20. С. 467]): «Мне ужасно неприятно – больно бы было узнать, что вы несогласны с требованиями нравствен[наго] закона Христа, с его 5-ю заповедями, что вы считаете возможным *элюдировать*, *смягчить* какую-нибудь из них, как это часто бывает» (В.Г. Черткову, 1884 г.) [13. Т. 85. С. 101]. Ф.М. Достоевский использовал в одном из писем глагол *рекомандировать*, образованный им от французского прилагательного *recommandé* («заказной»). Поскольку адресат не понял значения по причине окказионального характера лексемы, автору письма пришлось его объяснить: «Если я Вам и писал, чтобы просто вложить 25 р. в письмо, так это потому, что здесь наши деньги легко меняются. Но все-таки я Вам приписал в письме: *рекомандируйте, т.е. застрахуйте*» (А.Н. Майкову, 1868 г.) [28. Т. 28, ч. 2. С. 295].

При существовании в лексической системе русского языка лакуны в письмах для семантизации иноязычного слова может предприниматься попытка его перевода: при помощи русских словообразовательных морфем создается индивидуально-авторское слово, максимально точно передающее семантику иносистемной единицы: «Если б я был *скрытен*, тогда бы,

конечно, никто ничего этого не видал, а я, к сожалению, *expansif* (**излиятелен, что ли, в переводе**), а натура довольно разнообразна и впечатлительна – и я обнаруживаюсь, как я есть» (Е.А. и С.А. Никитенко, 1860 г.) [29. Т. 8. С. 354]. Прилагательное *излиятельный* было образовано И.А. Гончаровым от архаичного глагола *излиять* при помощи суффикса *-тельн-* для передачи семантики французского *expansif*, ср. первое толкование значения прилагательного *экспансивный* в словаре иноязычных слов конца XIX в.: «Экспансивный (фр. от лат.). Легко *изливающий* свои чувства» (выделено нами. – Ю.З.) [30. С. 970].

Значение русского слова могло быть шире семантики иноязычного, таким образом, в русском языке существовала видовая лексическая лакуна. Она не позволяла точно выразить смысл и могла компенсироваться с помощью иносистемной единицы. Такая конкретизация значения и оценка русского языка с точки зрения возможности выражения значения в отдельно взятой коммуникативной ситуации встречаются в одной из метаязыковых интерпретаций И.С. Тургенева: «Мне бы очень хотелось знать не только Ваши намерения, – но и *числа* их, т.е. **leur date** (**А плох и неловок еще русский язык**)» (Е.А. Ламберт, 1861 г.; *leur date* – «их даты» (фр.)) [31. Т. 4. С. 342].

Существительное *дата* (содержащее, в отличие от *число*, дифференцирующие семы «месяц», «письмо», официальные бумаги») впервые фиксируется в словаре иностранных слов 1871 г. в двух вариантах – *datum* и *дата*: «Число месяца, выставляемое на письмах, официальных бумагах и т.п.» [24. С. 184]. Использование существительного *date* в нетранслитерированном французском варианте для пояснения значения русского слова позволяет провести относительную хронологизацию заимствования и расширить круг его возможных источников. Письмо И.С. Тургенева написано в 1861 г., таким образом, слово *дата* было заимствовано русским языком не ранее 60-х гг. XIX в. Материал НКРЯ подтверждает это: первые примеры употребления его в кирилловской графике датируются 1863 и 1864 гг. Н.М. Шанский в качестве источников заимствования слова называет немецкий или итальянский языки, письмо И.С. Тургенева позволяет говорить и о французском языке.

Иноязычное слово нередко оказывалось экономным средством выражения смысла, поскольку заменяло русское словосочетание или предложение. Так, в одном из писем используется интерсистемное прилагательное *прегнантный* (нем. *prägnant* – «полный мыслей»), компенсирующее на уровне речи русскую лексическую лакуну. В качестве метаоператоров в данном контексте выступают кавычки и метаязыковое замечание, указывающее на происхождение слова – немецкий язык: «Ваша характеристика Н<екрасова> так верна – что я не решаюсь сжечь Ваше письмо, как Вы того желаете – а лучше возвращу его Вам. **”Прегнантнее”** – (как говорят немцы) – подчеркнутых мною строк Вы никогда не найдете» (И.С. Тургенев – П.В. Анненкову, 1878 г.) [31. Т. 16. Кн. 1. С. 19].

Итак, показателями новизны слова могут являться графические и лексические метаоператоры. Они помогают в установлении точного или отно-

сительного времени появления неологизма; периода сохранения им эффекта непривычности, неосвоенности языковой системой; определении окказионального характера; выявлении коммуникативной потребности в новой единице у носителей языка и др.

2. Метаязыковые контексты служат ценным источником информации *о прагматических характеристиках неологизма второй половины XIX в.*, под которыми мы понимаем особенности употребления слов в речевой коммуникации, отражающие отношение «говорящий – знак». Оно, в свою очередь, нередко является проекцией отношения «говорящий – денотат» [32. С. 37].

По справедливому замечанию В.И. Заботкиной, любое новое слово обладает прагматическим зарядом в отличие от канонического, прагматический потенциал которого может быть нулевым: среди причин, которые вызывают появление нового слова, кроме когнитивных факторов, большую роль играют прагматические стимулы; в акте порождения нового слова его семантика отражает прагматические намерения человека и прагматику контекста; в процессе адаптации слова в языке, принятия его социумом определенное значение играют прагматические факторы, связанные с восприятием слова носителями языка; по мере вхождения слова в лексическую систему оно вбирает в себя новые черты, которыми обладают прагматические контексты его употребления [33. С. 7–8].

Под прагматическим компонентом значения неологизма понимается та часть его семантики, которая остается «за вычетом когнитивного содержания». Этот компонент несет информацию не о референте, а о его восприятии говорящим [32. С. 37]. Прагматическую характеристику чаще всего получают в письмах иноязычные или калькированные единицы. Неологизм может оцениваться с точки зрения правильности его употребления носителями языка (верности значения нового слова в русском языке); соотношения структуры слова и семантики, морфологических характеристик; социальной маркированности; степени адаптации в русском языке (оценка по шкале «свое – чужое»); стилистической уместности и т.д.

Оценка писателем языкового факта может быть имплицитной и эксплицитной. Имплицитно в некоторых письмах содержится рациональная нормативная оценка [34. С. 75] несоответствия неологизма лексической системе русского языка. В качестве показателей эксплицитной оценки выступают, прежде всего, лексические прагматические маркеры, под которыми понимаются лексемы, отражающие «различные параметры позиционирования субъекта-отправителя по отношению к отображаемым событиям, сущностям и / или к получателю» [35. С. 76]. Слову может даваться эмоциональная или эстетическая оценка. Эмоциональная оценка выражается с помощью прилагательных (*небрежный, самый вопиющий, нелестный, скверный, странный*), словосочетаний (*ударить по щеке*); эстетическая – с помощью наречия (*уродливо*). В качестве невербального прагматического маркера используются кавычки.

Может оцениваться соответствие значения заимствованного слова его семантике в языке-источнике. В процессе адаптации лексем в русском

языке в ее значении часто наблюдались изменения, например расширение или сужение, которые могли восприниматься билингвами как свидетельство плохого знания иностранного языка. И.А. Гончаров в письме, датированном 1877 г., оценивает употребление глагола *игнорировать* в значении, свойственном ему в современном русском языке («умышленно не замечать, не принимать во внимание» [36. С. 235]), как ошибочное, искажающее смысл французского слова: «Индифферентизм, прохождение молчанием, или *игнорирование* (как уродливо понимают и употребляют теперь слово **ignorer**) есть одно из страшных оружий века» (П.А. Валуеву, 1877 г.) [37. С. 306]. Как «непозволительное» оценивает это слово и В.И. Даль во втором издании своего словаря [27. Т. 2. С. 6]. Вместе с тем материал НКРЯ свидетельствует об активном употреблении глагола именно в этом значении с 50-х гг. XIX в. Значение глагола в языке-источнике – «не знать» [20. С. 680], таким образом, в русском языке он пережил существенный сдвиг в семантике: появились дифференцирующие семы «не хотеть» (знать), «не замечать».

Письма позволяют уточнить период, на протяжении которого кальки-омонимы, появившиеся в результате поморфемного перевода европейских прототипов и совпавшие в звуковом облике и структуре с исконно русскими словами, воспринимались носителями элитарной речевой культуры как новые лексемы, не освоенные русским языком, представляющие в нем ограниченные территориально или чужеродные и не оправданные в употреблении элементы.

По наблюдениям В.В. Виноградова, в семантической структуре прилагательного *безразличный* под влиянием французского *indifferent*, которое по морфемной структуре совпало с русским словом (*in* – «без», *different* – «различный»), с начала XIX в. постепенно стали формироваться значения «равнодушный, безучастный», «не имеющий существенного значения» [38. С. 56]; исконные значения адъектива в русском языке – «неразличимый; одинаковый, равный». В одном из писем И.С. Тургенева содержится рефлексив, представляющий собой аксиологическое высказывание о засорении речи корреспондента иноязычными словами. Он показывает, что даже в середине XIX в. прилагательное *безразличный* во французском значении воспринималось как галлицизм, несвойственный лексико-семантической системе русского языка: **«В этом последнем отрывке слог твой уже чересчур небрежен; галлицизмы самые вопиющие попадают на каждом шагу <...> Коленопреклоненно умоляю тебя: не употребляй слово: *безразличный*! Особенно в одном месте оно меня точно по щеке ударило»** (А.И. Герцену, 1857 г.) [31. Т. 3. С. 182–183].

Комментарий писателя может свидетельствовать о степени освоенности кальки русским языком, распространенности какого-либо слова (значения). Глагол *выглядеть* в значении «иметь вид» являлся словообразовательной калькой с немецкого *aussehen* и стал использоваться в разговорной речи жителей Петербурга с 40-х гг. XIX в. [39. С. 170]. Хотя это слово достаточно активно употреблялось во второй половине XIX в. разными авторами,

нельзя считать, что оно вошло в систему литературного языка в этот период. В 1859 г. И.С. Тургенев подчеркивает его территориальную ограниченность, распространенность только в речи жителей Петербурга: «А здесь у нас проявились разные новые лица: г-жа Маркович <...> которая так **выглядит** (как говорят петербуржцы) – как будто не ведает, какую рукою берется за перо» (В.П. Боткину, 1859 г.) [31. Т. 4. С. 17]. Длительность вхождения слова в узус объяснялась наличием омонима в лексической системе русского языка, противоречием между словообразовательной структурой и новой семантикой глагола. В академическом словаре русского языка под редакцией Я.К. Грота подчеркивалось его несоответствие норме: «Часто встречающееся употребление гл. *выглядеть* в значении немецкого *aussehen* (иметь такой-то вид, смотреть тем-то) противно как духу русского языка, так и грамматике: *он выглядит*, как форма совершенного вида действ. гл., есть будущее время, а не настоящее, и однозначнее с выражением: *он высмотрит*, требующим дополнения в винит. падеже: *что он выглядит?*» [21. Т. 2. С. 606].

Оцениваться с точки зрения адаптации в русском языке может и семантическая калька. Глагол *улыбаться* под влиянием французского языка приобрел переносное значение «нравиться», ср. фр. *soûgîre* «усмехаться, улыбаться; благоприятствовать; нравиться». Такое употребление глагола в форме 3 л. ед. ч. встречается в НКРЯ с 40-х гг. XIX в., однако в письмах он сопровождается метаязыковыми замечаниями, свидетельствующими о том, что и в 60-х гг. это значение воспринималось как неосвоенное, чужое для русского языка: «Последние обстоятельства, а именно – отсутствие кринолина, мне **(опять говоря на французский лад) улыбается**» (И.С. Тургенев – Е.С. Кочубей. 1862 г.) [31. Т. 5. С. 56]; «Подстреливать куропаток и зайцев – единственное занятие, которое, **говоря по-французски – улыбается мне**» (И.С. Тургенев – Е.Е. Ламберт, 1863 г.) [31. Т. 5. С. 195].

Метаязыковой контекст позволяет выявить в языке-источнике первоначальную пренебрежительную коннотативную окраску и отрицательную оценочность слова, обусловленную негативной социальной оценкой референта и этимологией номинации. Французское существительное *богема* употребляется И.А. Гончаровым в качестве иноязычного вкрапления: «<> не решались бы соваться неучи, живущие со дня на день, перебивающиеся кое-как всем и, между прочим, легким, на их взгляд, и почти даровым хлебом от сценической трапезы, без всяких прав, то есть и без таланта и без всякого образования, составляя из себя тот безобразный слой в обществе, **который носит на Западе нелестное имя *bohême*, *sabotins* и т. п.!**» (П.Д. Боборыкину, 1876 г.) [29. Т. 8. С. 487–488].

Отрицательная оценочность, свойственная слову, была связана с отношением к тем слоям общества, которые им обозначались первоначально (*bohême* буквально – «цыганщина»): цыганам, ворам, клошарам – их объединяли презрение к общественным нормам, беспорядочный образ жизни и свобода [40. С. 44]. Существительное *богема* было заимствовано русским языком во второй половине XIX в. Оно получило распространение после

выхода в 1849 г. в Париже «Сцен из жизни богемы» А. Мюрже, который так назвал студентов Латинского квартала, и с тех пор слово *богема* стало обозначать «всякую интеллигентную бедноту, которая артистически весело и беззаботно переносит лишения и даже с некоторым презрением относится к благам земным» [41. Т. 4. С. 165]. К концу XIX в. слово приобретает в российском общественном сознании расширительный смысл и используется в значении «художественная элита» [42. С. 18].

Интерес представляют и контексты, в которых заимствованию адресантом письма дается не конвенциональная, а индивидуальная оценка, связанная с субъективными ассоциациями, опытом, ощущением неблагозвучности, мрачности слова. Так оценивает существительное *психоз*, заимствованное из французского языка в последней четверти XIX в., В.М. Гаршин: «Думаю, вопреки всем психиатрам, что умственный труд – правильный, конечно, – не способствует, а предотвращает развитие **”психоза”** – **есть же на свете такие скверные слова...**» (В.А. Фаусеку, 1881 г.) [15. С. 223].

Писатели неоднократно оценивали с точки зрения стилистической уместности использование иноязычной лексики в текстах писем или художественных произведений. И.С. Тургенев иноязычные слова, имевшие стилистическую окраску книжности и не совсем уместные в тексте дружеского письма, сопровождает метаязыковым замечанием *говоря по-русски*, чем выражает самоиронию по поводу употребления иностилевой лексики: «<...> это бы крайне меня обрадовало и *арранжировало*, **говоря по-русски**» (А.И. Герцену, 1861 г.; фр. arranger – «устроить») [31. Т. 4. С. 342]; «Вы мастер *резюмировать* данный момент эпохи (**говоря по-русски**)» (П.В. Анненкову, 1861 г.; фр. résumer) [31. Т. 4. С. 75].

Метаязыковые комментарии даются и относительно применения научной терминологии в литературном тексте. Первые примеры употребления существительного *бифуркация* в русском языке датируются 50-ми гг. XIX в. [43]. В словарях XIX в. это существительное фиксируется в качестве термина географии и анатомии: «раздвоение реки, горного хребта, кровеносного сосуда и пр.» [26. С. 73]. И.А. Гончаров подчеркивает невозможность использования этого слова в художественном произведении: «В заключение замечу мимоходом, что **в разговор вкралось, редко и мало впрочем, несколько книжных, малоупотребительных, порой странных (в романе) выражений (бифуркация самолюбия, например)**» (П.А. Валуеву, 1877 г.) [37. С. 316–317].

Рефлективы позволяют получить информацию и о прагматике русских лексических новообразований второй половины XIX в.: ассоциированности неологизма в общественном сознании с именем какого-либо конкретного писателя; конвенциональной оценочности неолексемы в рассматриваемый период; распространенности ее в определенных кругах, известности не всем носителям языка; стилистической маркированности.

В 80-е гг. XIX в. окончательно сложилось религиозно-философское учение Л.Н. Толстого. В одном из писем Н.С. Лесков употребил слово *толстовство*, выделил его кавычками, подчеркнув этим новизну понятия и

негативную коннотацию лексемы, которая объяснялась, прежде всего, отрицательным отношением к толстовству церкви и государственной власти: «О "Соборянах" говорите правду: они "Вам ближе". <...> **Но это небось называется "толстовство"**, а то, нимало не сходное с учением Христа, есть "православие"... Я и не спорю, когда его называют этим именем, но оно не христианство!» (Л.И. Веселитской, 1893 г.) [17. Т. 11. С. 529].

В этот же период в русском языке появилось слово *непротивление*, которое ассоциировалось в общественном сознании с Л. Толстым, его учением и изначально воспринималось как религиозно-философский термин. Принадлежность слова Л. Толстому В.М. Гаршин обозначает с помощью кавычек: «Защищать драму Толстого и признавать его благоглупости и особенно **"непротивление"** – две вещи совершенно разные <...> Очень любя Черткова, я в теоретических рассуждениях ни в чем с ним и с Т. не схожусь» (Е.М. Гаршину, 1887 г.) [15. С. 391].

Слова *злыхательный*, *злыхательство* и *злыхательствовать* укрепились в стилях газетно-публицистического языка 70–80-х гг. XIX в. [38. С. 203]. И.А. Гончаров маркирует кавычками существительное *злыхательство*, поскольку оно было образовано М.Е. Салтыковым-Щедриным, имело яркую экспрессивную окраску и ассоциировалось, по крайней мере, до конца века с их создателем¹: «Я все прихварываю – и по вечерам сижу дома, угрюмый, скучный, не только "без слез, без жизни, без любви", но и без всякой книги. Только что нюхаю табак, да предаюсь **"злыхательству"** – в этом и все мое развлечение» (М.М. Стасюлевицу, 1888 г.) [44. С. 206].

Известен факт наличия диахронических омонимов у слов *нигилист* и *нигилизм* в первой половине XIX в. как в русском, так и в иностранных языках. Слово *нигилист* было впервые отмечено во французском «Словаре неологизмов» Мерсье в 1801 г. со значением «крайний скептик». В немецком отвлеченное существительное *Nihilismus* появилось на рубеже конца XVIII – начала XIX в. и обозначало форму идеализма, в которой идея представляется абсолютным началом бытия и из нее выводится вся действительность. В русском языке слово *нигилист* впервые употребил Н.И. Надеждин в 1829 г., затем использовали Н. Полевой, В.Г. Белинский и другие авторы в разных значениях.

¹ Об этом свидетельствуют метаязыковые замечания, которыми сопровождалось слово до конца века. Например, Г.З. Елисеев в своих «Воспоминаниях» (1891) пишет: «При этом Некрасов был редактором самого распространенного и влиятельного в то время журнала. Этих двух атрибутов было вполне достаточно, чтобы зависть и, **как выразался Салтыков**, *злыхательство* постоянно носились около него, как около намеченной ими жертвы, которую им рано или поздно предназначено пожрать». Ср. также у Д.Н. Мамина-Сибиряка в романе «Ранние всходы» (1896): «А еще сколько мы с тобой недавно говорили о терпимости, об уважении к чужим убеждениям, о широком взгляде на жизнь и людей. И вдруг в твоих письмах какое-то *злыхательство*, **как говорит Щедрин**» (цит. по: [38. С. 203]).

«Вторая жизнь» началась у слов *нигилист* и *нигилизм* в русском языке после выхода в свет романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» в 1862 г. В.В. Виноградов писал, что «в русском языке лишь И.С. Тургенев, применив имя нигилиста к типической психологии шестидесятника, придал ему историческую устойчивость и могучую силу крылатого термина. Тургенев с полным правом мог считать себя создателем нового слова <...>» [38. С. 23]. Справедливость этих слов подтверждается указанием на И.С. Тургенева как на автора существительного *нигилист* в письме М.Е. Салтыкова-Щедрина. Это слово с 60-х гг. XIX в. прочно связывалось в сознании носителей языка с именем писателя: «**Какое, однако, слово Тургенев выдумал "нигилисты" – всякая собака им пользуется**» (П.В. Анненкову, 1875 г.) [45. Т. 18, кн. 2. С. 208].

Метаязыковые операторы могут выполнять социально-стратификационную функцию, указывая на принадлежность слова определенному социальному слою и сниженный стилистический характер лексемы. В одном из писем подчеркнуто наречие *огульно* и сопровождается метаязыковым замечанием *как говорится у нас* (подразумевается крестьянское просторечие)¹: «Петербург, как всякая столица, не подводится под один уровень: в нем есть много совершенно различных слоев; и те, которые осуждают его, **как говорится у нас – огульно** – только показывают тем, что они его не знают» (И.С. Тургенев – В.П. Боткину. 1862 г.) [31. Т. 5. С. 35]. Контекст показывает, что в семантике слова в 60-е гг. XIX в. наблюдался девиационный сдвиг: на базе значения «сплошь, подряд, без разбору» [27. Т. 2. С. 649] формируется новое – «безосновательно». Сам факт употребления такого слова в эпистолярном тексте писателя говорит о постепенном расширении сферы употребления наречия, переходе его в разряд разговорной общерусской лексики.

Кавычки при существительном *петровец* показывают, что слово было образовано и употреблялось в разговорной речи в студенческой среде (*петровец*, *Петровка* – номинации, связанные с Петровско-Разумовской земледельческой академией в Москве): «Я уже писал вам из Москвы о том, что заезжал туда. Я встретил по дороге одного окончившего **"петровца"**, который напомнил мне о товарищах и соблазнил заехать, в каком моем поступке я не раскаиваюсь» (В.М. Гаршин – Е.С. Гаршиной, 1879 г.) [15. С. 192].

Сниженный стилистический оттенок лексического новообразования, его маргинальность в языковой системе могли осознаваться писателем в силу структурных особенностей слова, и это находило отражение в маркировании неолексемы кавычками. В одном из писем выделен разговорный глагол *популярничать*, который был образован от прилагательного *попу-*

¹ Ср. метаязыковое замечание А.Н. Энгельгардта: «Действительно, делать что-нибудь *сообща*, *огульно*, **как говорят крестьяне**, делать так, что работу каждого нельзя учесть в отдельности, противно крестьянам (А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо седьмое (1878)) [19].

лярный во второй половине XIX в. с помощью суффикса *-нича-*, имеющего разговорную окраску [46. С. 744]: «Не из желания "уловить момент" – или "**популярничать**" – взялся я за этот последний сюжет, который, впрочем, давно во мне вертелся; я сознавал, что жизнь бежит в эту сторону, я сделал набросок, я указал пальцем на настоящую дорогу» (И.С. Тургенев – А.М. Жемчужникову, 1877 г.) [31. Т. 15, кн. 2. С. 87].

Существительное *псих* было образовано, по-видимому, на базе словосочетания *психически больной (ненормальный) человек* путем усечения. Один из ранних примеров употребления универбата встречается в письме А.И. Герцена 1869 г. (первый контекст с ним в НКРЯ датируется 1890 г.). Слово относится к просторечной лексике и имеет коннотативную окраску фамильярности [47. Т. 3. С. 1058], что передано в эпистолярном тексте с помощью кавычек: «Я же сказал: "Такую тройку, в которой ты коренной, – стоит изучить". Протестую, что ты отнес и это к фонду и потому пристегнул Чернец<кого>. Я же говорил о "**психе**" – Баку(нине), Нечаеве – на пристяжке и о тебе в корню» (Н.П. Огареву, 1869 г.) [22. Т. 30, кн. 1. С. 144].

Таким образом, метаязыковые контексты в эпистолярной литературе позволяют судить о конвенциональных и индивидуальных оценках, которые получали неологизмы второй половины XIX в., об их стилистической и социальной маркированности. Лингвистическая компетентность русских писателей (свободное владение русским и иностранными языками, знание норм), принадлежность их текстов к элитарной речевой культуре позволяют считать письма важным источником изучения прагматических свойств новых слов.

3. Рефлексивы в письмах позволяют получить информацию **о семантических деривационных процессах в языке и речи**. Это касается как исконной, так и иноязычной лексики. С помощью метаязыковых маркеров может передаваться информация о появлении нового значения у какой-либо лексемы в языке (речи); об употреблении слова в индивидуально-авторском значении; о стилистической окрашенности значения, известности его в какой-либо социальной группе, кружке и т.д.

Сигналом формирования в семантической структуре слова переносного значения чаще всего служат кавычки. Этот метаоператор используется как для узуальных, так и для окказиональных значений и всегда свидетельствует о том, что новизна, метафоричность семантического деривата еще не стерлись, чувствовались автором письма. Н.С. Лесков в письме маркирует кавычками слово *картавить*, употребляя его в переносном значении «фальшивить, кривить» [48. Т. 2. С. 709]: «О Л. Толстом Вы судите правильно, и надо жалеть, что Вы этого не можете печатать, а печатать нельзя, потому что ясно говорить Вы не можете, а "**картавить**" – значит вредить себе и самому делу» (А.С. Суворину, 1887 г.) [17. Т. 11. С. 339].

Кавычки могут свидетельствовать об употреблении какого-либо научного термина в нетерминологическом значении. Существительное *потенциал* было заимствовано из немецкого или французского языка в конце XIX в. Оно получает отражение в словаре иностранных слов 1904 г. со значением термина физики [49. С. 452]. Переносное значение в качестве

семантического неологизма политической сферы впервые фиксируется в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (1939 г.): «2. *перен.* Совокупность средств, условий, необходимых для ведения, поддержания, сохранения чего-н. (нов. полит.)» [47. Т. 3. С. 652]. Однако одно из писем В.М. Гаршина, в котором слово *потенциал* заключено в кавычки, свидетельствует о формировании переносного значения уже в последней четверти XIX в.: «Литературные мои дела находятся в блестящем положении, если брать **”потенциал”**. Только пиши, а брать везде будут» (В.Н. Афанасьеву, 1878 г.) [15. С. 150]. Приведенный контекст, в котором имеется в виду творческий потенциал, свидетельствует о том, что переносное значение слова не было связано только с политической сферой. Ср. примеры употребления слова в новом значении в начале XX в.: *потенциал серии идей, чувств, волнений* (1907); *потенциалы нравственных и религиозных идей* (1912); *человечность как потенциал* (1912) [19].

Рефлексивы в письмах позволяют увидеть и противоположный процесс: формирование терминологического значения на базе первичного в семантической структуре слова. Примером может служить метаязыковой контекст, отражающий историю слова *символизм*. По данным НКРЯ и словарей, это существительное было заимствовано русским языком (фр. *symbolisme*) в середине XIX в. в общем, нетерминологическом значении «символическое значение, придаваемое чему-либо» [50. Т. 13. С. 811]. В конце XIX в., во время формирования символистского течения в литературе и искусстве, на базе этого значения формируется новое, терминологическое, связанное с отражением реальности в новом направлении: «изображение действительных явлений, мыслей, чувств и отвлеченных понятий в символах, т.е. в чувственных образах, условно принимаемых за то, что хотят ими выразить» [49. С. 354] (кроме того, формируется значение «символическое направление»). В.Г. Короленко в письме указывает на терминологизацию значения слова и ее недавний характер: «Символы – вещь вполне законная, но **почему-то выработался же термин ”символизм”**. Дело в том, что символ должен занимать свое место; когда же для символа искажается действительность, – когда он выступает на первый план, а остальное располагается согласно его сухой схеме, это и будет *символизм, в его современном значении*» (О.Э. Котылевой, 1900 г.) [18. Т. 10. С. 298].

Метаоператоры (кавычки, метаязыковые замечания) могут свидетельствовать о формировании нового оттенка в структуре переносного значения слова, об известности этого оттенка определенному кругу лиц и разговорной стилистической окраске. Глагол *kozyрять*, судя по материалу НКРЯ, с 40-х гг. XIX в. приобрел значение «хвастаться». В одном из писем И.С. Тургенева он употреблен с новым оттенком значения – «стараться произвести впечатление» («бить на эффект» [47. Т. 1. С. 1395]), с помощью которого охарактеризована художественная манера писателя: «Какая-то ложная струя проходит по всей повести, какая-то болезненная и самодовольная любовь к небывалым положениям, психологическим тонкостям и штучкам, глубоким и оригинальным натурам и т.д. Первая половина

«Я<кова> Я<ковлича> недурна – в ней заметен юмор – хотя и тут автор **”козыряет”**; **а мы знаем, что значит это слово**» (Н.А. Некрасову и И.И. Панаеву, 1852 г.) [31. Т. 2. С. 167].

Эпистолярные тексты – ценный источник изучения такого пути неологизации лексической системы, как семантическая деривация. Вторичное использование языковых знаков было связано с как с внутриязыковой тенденцией к экспрессивности, так и с процессом заимствования, который служил стимулом для вербализации или трансноминации различных концептов. Дискурсивные маркеры в письмах русских литераторов позволяют определить время появления неосемем и проанализировать специфику отражения в метаязыковом сознании изменений в семантической структуре лексем.

4. Метаязыковые контексты дают сведения *о словообразовательной структуре и семантике лексических новообразований* второй половины XIX в.

На первом этапе употребления русского лексического неологизма его значение могло быть диффузным, четко не определенным. Это наблюдается в тех случаях, когда в производном слове закреплялись ассоциативные семы, связанные с именем литературного персонажа, исторического деятеля и т.п. Спектр этих ассоциаций мог варьироваться до тех пор, пока узусное значение слова не закреплялось в языке. Слово *хлестаковщина*, по данным НКРЯ, начало употребляться в русском языке с 60-х гг. XIX в. И.А. Гончаров в письме 1860 г. поясняет, что он понимает под этой неолексемой: «Вот отчего это так бесит меня иногда, хотя сознаюсь, что надо бы все это сделать иначе, то есть не доверять бархатной мягкости, в которую иногда одевается пустота, *хлестаковщина*, **наружная, умилительная простота, добродушие и скрытое, систематическое плутовство**» (С.А. Никитенко, 1860 г.)¹ [29. Т. 8. С. 344]. В узусе же со временем закрепилось значение, содержащее противоположную сему, ср.: «**наглое, лживо-легкомысленное хвастовство**» [47. Т. 4. С. 1153].

Метаязыковой контекст может давать информацию о лексеме, которая не получила отражения в словарях и НКРЯ, но употреблялась в речи в какой-то конкретный период. Письмо И.С. Тургенева свидетельствует о распространённости в речи слова *вспышечница* в 70-е гг. XIX в. В рефлексиве писателя слово выделено кавычками, что свидетельствует о его новизне и разговорной окраске; указано мотивирующее слово – *вспышка* и пояснено значение неологизма: «Что же касается до г-жи Кулишевой Елены – коей настоящее имя Анна Михайловна Макаревич – то // это молодая, недурная, очень ограниченная и очень бойкая бакунистка – или, **как говорят теперь, ”вспышечница”** (от слова: **”вспышка”**) – **проповедующая, что не надо учить, а подымать и зажигать народ** и т.д». (П.В. Анненкову, 1878 г.) [31. Т. 16, кн. 1. С. 99–100].

¹ Ср. пример, приведенный в словаре Д.Н. Ушакова: «Он весь ушел... в глупую, смешную рисовку, в *хлестаковщину* самого последнего сорта» (Д.Н. Боборыкин) (подчеркнуто нами. – Ю.З.) [47. Т. 4. С. 1153].

Указание на мотивирующее слово встречается и в отношении неузуальных лексем. Л.Н. Толстой в письме к брату С.Н. Толстому называет оным *Лир* в качестве производящего слова к образованному отвлеченному существительному *лирство*, под которым писатель подразумевал участь короля Лира – раздор с дочерьми: «Ты, кажется, несешь свое *Лирство* (**Король Лир**) мужественно» (Гр. С.Н. Толстому, 1899 г.) [13. Т. 72. С. 242].

Выводы. Метаязыковой макропараметр очень важен в исследовании неологии второй половины XIX в. Рефлексивы являются ярким показателем новизны слова, его неосвоенности системой языка и содержат ценные данные, позволяющие судить о времени появления, степени адаптации слова (значения), его восприятию носителями языка, мотивационных связях и др.

1. При установлении неологического статуса нового слова (значения) в языке / речи, хронологизации его употребления необходимо учитывать прямые и косвенные метаязыковые показатели. К прямым относится указание на то, что адресант письма слышит слово *впервые*, а также *временной конкретизатор* (наречие со значением времени). К косвенным принадлежат *кавычки*, которые говорят о новизне, непривычности лексемы и / или возможности ее употребления только по отношению к заграничным реалиям; различные *приемы глоссирования* слова: пояснительные конструкции (с союзом *то есть* или без него) на русском или иностранном языке, надстрочные и внутрисклонные вставки в виде единичных лексем-синонимов, авторский перевод иноязычного слова при помощи окказионализма, конструкции, в которых конкретизируется значение неологизма; *указание на язык-донор* (его носителей). Иноязычное вкрапление, выполняющее функцию конкретизатора семантики русского слова, может быть использовано для относительной хронологизации заимствования: не ранее даты употребления иноязычной лексемы в качестве вкрапления, поясняющего значение исконной лексемы.

2. Эпистолярные тексты позволяют судить об имплицитных рациональных (нормативных), а также эксплицитных эстетических, эмоциональных оценках, которые русские писатели давали неологическим единицам с точки зрения адекватности значения иноязычного неологизма его семантике в языке-доноре; соответствия структуры и семантики словообразовательной кальки законам русской лексической, морфологической и словообразовательной системы; стилистической уместности неологизма в эпистолярных и художественных произведениях; правильности его употребления в контексте. Метаязыковые контексты дают сведения о территориальной или социальной ограниченности употребления лексемы; ее маркированности как «чужой» единицы; конвенциональной или индивидуальной оценке нового слова.

3. Рефлексивы в письмах служат ценным источником для изучения таких деривационных процессов, как метафоризация значения; его терминологизация или детерминологизация и появлении у слова окказионального значения; формирование в речи оттенка значения.

4. Метаязыковые контексты дают возможность проследить процесс формирования узуального значения русского лексического неологизма; обнаружить лексемы, не нашедшие отражения в других источниках; определить значение и словообразовательную структуру единиц, которые использовались в разговорной речи или были индивидуально-авторскими.

Список источников

1. *Курьянович А.В.* Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2009. Вып. 9 (87). С. 146–150.
2. *Трикоз Э.Л.* Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2010. 22 с.
3. *Шумарина М.Р.* Язык в зеркале художественного текста: (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М. : ФЛИНТА-Наука, 2011. 328 с.
4. *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации языкового сознания (на материале русских говоров Сибири) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2000. 40 с.
5. *Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
6. *Трикоз Э.Л.* Метаязыковые высказывания как стимул освоения лексических новаций в русском языке второй половины XIX века // *Русский язык XIX века: динамика языковых процессов* / отв. ред. В.Н. Калиновская. СПб., 2008. С. 285–289.
7. *Касьянова Л.Ю.* Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2009. 47 с.
8. *Шмелева Т.В.* Языковая рефлексия // *Эффективное речевое общение (базовые компоненты): слов.-справ.* / Электронное изд. под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск, 2014. С. 800.
9. *Шумарина М.Р.* Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 47 с.
10. *Козлова Е.Е.* Заимствования как объект метаязыковой рефлексии рядовых носителей русского литературного языка (начало XXI века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 26 с.
11. *Захарова Ю.Г.* Метаязыковая рефлексия в письмах русских писателей XIX в. // *Русский язык в школе*. 2017. № 7. С. 54–58.
12. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 1–9. М. : Наука, 1974–1980.
13. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. Письма. Т. 59–72, 83–88. М. : Худож. лит., 1935–1957.
14. *Никитина О.А.* О способах дискурсивной индикации неологизмов на стадии узуализации // *Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления)* : сб. науч. ст. / отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб., 2016. С. 163–167.
15. *Гаршин В.М.* Письма. Л. : Academia, 1934. 616 с.
16. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999.
17. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений : в 11 т. Т. 10–11. М. : Худож. лит., 1958.
18. *Короленко В.Г.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10 : Письма. 1879–1921. М. : Гослитиздат, 1956. 717 с.
19. *Национальный корпус русского языка (НКРЯ)*. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 03.12.2021).

20. Макаров Н.П. Полный французско-русский словарь. По изданию 1884 г. М. : АСТ-Астрель, 2004. 1309 с.
21. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1891–1916.
22. Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. Т. 23–30. Письма. М. : Наука, 1961–1965.
23. Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Е.П. Печаткин (изд.). СПб., 1861. 574 с.
24. Бурдон И.Ф., Михельсон А.Д. Словоотловитель 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с объяснением их корней. 3-е изд., испр. М., 1871. 608 с.
25. Новый словоотловитель. 53 000 иностранных слов, вошедших в русский язык / под ред. Лучинского. М., 1879. 910 с.
26. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. по Энциклопедическому словарю Ф. Павленкова. СПб., 1900. 714 с.
27. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1998.
28. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 28–30. Письма. Л. : Наука, 1985–1988.
29. Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 8 т. Т. 8. М. : ГИХЛ, 1955.
30. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / В.И. Губинский (изд.). 1-е изд. СПб., 1894. 989 с.
31. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. Т. 2–16. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1987–2003.
32. Касьянова Л.Ю. Коннотативно-прагматическое содержание неологизма // Известия государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 7. № 28. С. 36–49.
33. Заботкина В.И. Семантика и прагматика нового слова (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 51 с.
34. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 339 с.
35. Горло Е.А. К вопросу о лексических прагматических маркерах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). С. 75–77.
36. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. 944 с.
37. Гончаров И.А. Литературно-критические статьи и письма. Л. : Гослитиздат, 1938. 404 с.
38. Виноградов В.В. История слов. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.
39. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX в. М. ; Л. : Наука, 1965. 565 с.
40. Султанова А.Н. Происхождение понятия «богема» // Дискуссия. 2011. № 2, 3 (11). С. 44–46.
41. Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1890–1907.
42. Султанова А.Н. Социокультурный феномен богемы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 25 с.
43. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : ЭТС, 2010. 5140 с. URL: <http://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения: 03.12.2021).
44. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М.К. Лемке. СПб., 1912. Т. 4. 519 с.
45. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 18–20. Письма. М. : Худ. лит., 1965–1977.

46. Лопатин В.В., Удеханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник, 2016. 812 с.
47. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940.
48. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 1-е изд. М., 1863–1866.
49. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1904. 458 с.
50. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Наука, 1950–1965.

References

1. Kur'yanovich, A.V. (2009) Funktsional'nye vozmozhnosti epistol'yarnogo diskursa kak osoboy formy mezhl'ichnostnoy kommunikatsii [Functionality of epistolary discourse as a special form of interpersonal communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9 (87). pp. 146–150.
2. Trikoz, E.L. (2010) *Obydennaya metazykovaya refleksiya nositelya russkogo yazyka vtoroy poloviny XIX v.* [Ordinary metalinguistic reflection of a native speaker of the Russian language in the second half of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vologda.
3. Shumarina, M.R. (2011) *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta (Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)* [Language in the Mirror of a Literary Text (Metalinguistic reflection in works of Russian prose)]. Moscow: FLINTA-Nauka.
4. Rostova, A.N. (2000) *Metatekst kak forma eksplikatsii yazykovogo soznaniya (na materiale russkikh gorovorov Sibiri)* [Metatext as a form of explication of linguistic consciousness (on the material of Russian dialects of Siberia)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
5. Vepreva, I.T. (2005) *Yazykovaya refleksiya v postsovet'skuyu epokhu* [Linguistic Reflection in the Post-Soviet Era]. Moscow: OLMA-PRESS.
6. Trikoz, E.L. (2008) *Metazykovyye vyskazyvaniya kak stimul osvoeniya leksicheskikh novatsiy v russkom yazyke vtoroy poloviny XIX veka* [Metalinguistic statements as a stimulus for the development of lexical innovations in the Russian language of the second half of the 19th century]. In: Kalinovskaya, V.N. (ed.) *Russkiy yazyk XIX veka: dinamika yazykovykh protsessov* [The Russian Language of the 19th Century: Dynamics of language processes]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 285–289.
7. Kas'yanova, L.Yu. (2009) *Kognitivno-diskursivnye problemy neologizatsii v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI veka* [Cognitive-discursive problems of neologization in the Russian language of the late 20th – early 21st centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Astrakhan.
8. Shmeleva, T.V. (2014) *Yazykovaya refleksiya* [Language reflection]. In: Skovorodnikov, A.P. (ed.) *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovyye komponenty)* [Effective Verbal Communication (basic components)]. Electronic edition. 2nd ed. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
9. Shumarina, M.R. (2011) *Metazykovaya refleksiya v fol'klornom i literaturnom tekste* [Metalinguistic reflection in folklore and literary text]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Kozlova, E.E. (2012) *Zaimstvovaniya kak ob'ekt metazykovoy refleksii ryadovykh nositeley russkogo literaturnogo yazyka (nachalo XXI veka)* [Borrowings as an object of metalinguistic reflection of ordinary speakers of the Russian literary language (beginning of the 21st century)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

11. Zakharova, Yu.G. (2017) Metazykovaya refleksiya v pis'makh russkikh pisateley XIX v. [Metalinguistic reflection in the letters of Russian writers of the 19th century]. *Russkiy yazyk v shkole*. 7. pp. 54–58.
12. Chekhov, A.P. (1974–1980) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]; *Pis'ma* [Letters]. Vols 1–9. Moscow: Nauka.
13. Tolstoy, L.N. (1935–1957) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols 59–72. *Pis'ma* [Letters]. Vols 83–88. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
14. Nikitina, O.A. (2016) O sposobakh diskursivnoy indikatsii neologizmov na stadii uzualizatsii [On the methods of discursive indication of neologisms at the stage of usage]. In: Butseva, T.N. (ed.) *Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Neology and Neography: Current state and prospects] Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 163–167.
15. Garshin, V.M. (1934) *Pis'ma* [Letters]. Leningrad: Academia.
16. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological dictionary of the Modern Russian Language]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Leskov, N.S. (1958) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vols 10–11. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Korolenko, V.G. (1956) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 10. Moscow: Goslitizdat.
19. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYa)* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Accessed: 03.12.2021).
20. Makarov, N.P. (2004) *Polnyy frantsuzsko-russkiy slovar'. Po izdaniyu 1884 g.* [Complete French-Russian Dictionary. According to the edition of 1884]. Moscow: AST-Astrel'.
21. Grot, Ya.K. (ed.) (1891–1916) *Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem imperatorskoy Akademii nauk* [Dictionary of the Russian Language, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Vols. 1–4. Saint Petersburg: Tip. Imperatorskoy akademii nauk.
22. Gertsen, A.I. (1961–1965) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. *Pis'ma* [Letters]. Vols 23–30. Moscow: Nauka.
23. Pechatkin, E.P. (ed.) (1861) *Polnyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [A Complete Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language]. Saint Petersburg: Tip. K. Vul'fa.
24. Burdon, I.F. & Mikhel'son, A.D. (1871) *Slovotolkovatel' 30000 inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka, s ob'yasneniem ikh korney* [Interpreter of 30,000 Foreign Words Included in the Russian Language, with an Explanation of Their Roots]. 3rd ed. Moscow: Tip. Bakhmeteva.
25. Luchinskiy. (ed.) (1879) *Novyy slovotolkovatel'. 53000 inostrannykh slov, voshedshikh v russkiy yazyk* [New Word Interpreter. 53,000 foreign words included in the Russian language]. Moscow: Tip. F. Ioganson.
26. Pavlenkov, F.F. (1900) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka. Sostavlen po Entsiklopedicheskomu slovaryu F. Pavlenkova* [Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language. Compiled according to the Encyclopedic Dictionary of F. Pavlenkov]. Saint Petersburg: Tip. Yu.N. Erlikh.
27. Dal', V.I. (1998) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
28. Dostoevskiy, F.M. (1985–1988) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. *Pis'ma* [Letters]. Vols 28–30. Leningrad: Nauka.
29. Goncharov, I.A. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 8. Moscow: GIKhL.
30. Chudinov, A.N. (1894) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign Words Included in the Russian Language]. 1st ed. Saint Petersburg: Tip. S.N. Khudekova.

31. Turgenev, I.S. (1987–2003) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. *Pis'ma* [Letters]. Vols 2–16. 2nd ed. Moscow: Nauka.
32. Kas'yanova, L.Yu. (2007) Konnotativno-pragmatischeskoe sodержanie neologizma [Connotative-pragmatic content of neologism]. *Izvestiya gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 28 (7). pp. 36–49.
33. Zabotkina, V.I. (1991) *Semantika i pragmatika novogo slova (na materiale angliyskogo yazyka)* [Semantics and pragmatics of a new word (on the material of the English language)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
34. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Values. Assessment. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
35. Gorlo, E.A. (2013) K voprosu o leksicheskikh pragmaticheskikh markerakh [On the issue of lexical pragmatic markers]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (25). pp. 75–77.
36. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1997) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik.
37. Goncharov, I.A. (1938) *Literaturno-kriticheskie stat'i i pis'ma* [Literary-Critical Articles and Letters]. Leningrad: Goslitizdat.
38. Vinogradov, V.V. (1999) *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow: Russian Language Institute RAS.
39. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30-e–90-e gody XIX v* [Development of the Vocabulary of the Russian Literary Language. 1830s – 1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.
40. Sultanova, A.N. (2011) Proiskhozhdenie ponyatiya “bogema” [The origin of the concept of “bohemian”]. *Diskussiya*. 2, 3 (11). pp. 44–46.
41. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (eds) (1890–1907) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg: Tipografiya Aktsionernogo obshchestva Brokgauz-Efron.
42. Sultanova, A.N. (2013) *Sotsiokul'turnyy fenomen bogemy* [Sociocultural phenomenon of bohemianism]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
43. Epishkin, N.I. (2010) *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language]. Moscow: ETS. [Online] Available from: <http://gallicismes.academic.ru/>. (Accessed: 03.12.2021).
44. Lemke, M.K. (ed.) (1912) *Stasyulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske* [Stasyulevich and His Contemporaries in Their Correspondence]. Vol. 4. Saint Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha.
45. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1965–1977) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. *Pis'ma* [Letters]. Vols 18–20. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
46. Lopatin, V.V. & Ulukhanov, I.S. (2016) *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Word-Building Affixes of the Modern Russian Language]. Moscow: Azbukovnik.
47. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sov. Entsikl.: OGIZ.
48. Dal', V.I. (1863–1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 1st ed. Moscow: Tip. A. Semena.
49. Popov, M. (1904) *Polnyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke* [A Complete Dictionary of Foreign Words that Have Come into Use in the Russian Language]. Moscow: Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina.
50. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow; Leningrad: Nauka.

Информация об авторе:

Захарова Ю.Г. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия). E-mail: zug1977@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.G. Zakharova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Pacific State University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: zug1977@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2021;
одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 13.03.2023.*

*The article was submitted 13.12.2021;
approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 13.03.2023.*